

Валерий Морозов: Я понял то, чего не понял Магнитский

До определенного момента биография Валерия Морозова была вполне типичной: в советское время преуспевал, даже работал за границей, в 80-е годы был главой аналитической службы Агентства печати «Новости», учился в Академии ЦК.

В постсоветское время опять преуспел: переквалифицировался в строительного менеджера, работал сначала в американской компании, затем основал собственную фирму, которая, благодаря налаженным связям, почти сразу стала получать огромные государственные заказы. В какой-то момент начал бороться с системой взяток и откатов: сперва боролся внутри системы, затем постепенно стал публиковать документы, общаться с правозащитниками и журналистами, вести собственный блог. За несколько лет из типичного представителя своего сословия Морозов превратился в уникала: выходец из системы, превратившийся в ее активного идейного врага, при этом не просто находящийся на свободе, а живущий в Москве. Валерий Морозов рассказал проекту «Сноб», как устроена коррупционная система на главных государственных стройках

Вы учредитель компании «Москонверспром», основанной в 2000 году. Вы много работали по заказу Управления делами президента.

Мы были генеральными подрядчиками по реконструкции инженерных систем Государственного Кремлевского дворца и генеральными проектировщиками его же. «Москонверспром» больше всех в истории Управления делами подписал и выполнил контрактов — 32. Хотя мы начали работать с Управлением делами только в 2003 году. До этого несколько проектов мы делали в Москве, по заказу московского правительства. Были объекты ФСО и ФСБ. Частных объектов у нас почти не было. И вроде бы все шло нормально. Политика у нас всегда была такая, что я, вопреки общепринятой в нашей области практике, отказывался завышать цены. Я с советских времен понимаю, что когда-нибудь может прийти лесник или дровосек и начать проверять. Поэтому постепенно я стал неуютен. Или «Москонверспром» перестал вписываться в ситуацию. Впервые на объекте УДП РФ у нас возник конфликт на Государственном Кремлевском дворце.

В чем заключался конфликт?

Нам не заплатили. Мы были не первые, кому не заплатили под разными предлогами, но первые, кто не стал тихо уходить. Я пошел в суды. Уйти я не мог, и убрать меня не могли, потому что в это время, это 2005 год, 60-летие Победы, велась реконструкция Особой зоны президента.

Это что?

Это три с половиной тысячи квадратных метров, где президент должен был встречать и встречал потом всех глав государств. Эта зона между ГКД и БКД — Большим Кремлевским дворцом, там был кабинет, под президента делался. В частности, нас просили сделать освещение, которое позволило бы журналистам снимать, не устанавливая дополнительное освещение. Чтобы не было бликов. Такая технология есть, это немецкая разработка: освещение солнечного спектра, рассеянный свет, при этом может быть тысяча люкс, но вы не чувствуете этого. У вас глаза отдыхают. И это не выглядит очень дорого. Так как Путин хотел, чтобы это все было в дворцовом стиле, то там должны были висеть классические люстры, но со встроенным особым освещением, которое мы заложили. В итоге Шаболтай (Петр Шаболтай — генеральный директор Государственного Кремлевского дворца. — М.Г.) закупил не это, а какие-то непонятные люстры, неизвестно откуда взявшиеся, которые очень сияли, которые выделяли дикое количество тепла, которые блестяли всякими стекляшками. И снимать там уже было нельзя. Но стоили они в десять раз меньше.

Стоили в десять раз меньше, а разница в цене куда ушла?

Вот тут и возник конфликт. Я стал писать, что смысл весь теряется, что деньги-то выделены. Ну купите то, что нужно. Меня никто не стал слушать. Но Шаболтай мне в итоге не заплатил очень прилично за выполненную

работу. Но убрать меня не могли, потому что зону надо было сдавать. Причем там очень менялась архитектура, за новые архитектурные решения кто-то должен был отвечать, я был и для этого нужен. Поэтому Чаус (Анатолий Чаус — начальник главного управления капитального строительства Управления делами президента. — М.Г.) мне сказал: доведи дело до конца, судиться — судись, но ситуацию не взрывай, не пиши в прокуратуру и не уходи. А мы тебе дадим другие объекты.

А оплаты сделанной работы вам удалось добиться?

Из тех, когда Шаболтай не платил, — только в одном случае, когда я уперся, остановил работу и написал Кожину (Владимир Кожин, управляющий делами президента. — М.Г.). Уже после окончания работ мы выиграли несколько дел в судах и получили часть денег, но потом на приемах в ГКД стала появляться судья Елена Борисова, которая потом как раз получала все наши дела на рассмотрение и принимала решения только в пользу ГКД. Но окончательные документы по ГКД нами, как генеральными подрядчиками по инженерным системам и генеральными проектировщиками, так и не подписаны. То есть Государственный Кремлевский дворец до сих пор не сдан. Кстати, Шаболтай за эту реконструкцию получил орден Почета второй степени. А мы получили благодарность.

То есть теоретически ГКД не подлежит эксплуатации?

Да.

Все, что там происходит, является нарушением?

Да. Я писал об этом в Ростехнадзор. Тогда руководителем Ростехнадзора был генерал Пуликовский (Константин Пуликовский возглавлял Ростехнадзор с 2005 по 2008 год. — М.Г.). И, как мне передали, он отказался, сказал, что он не пойдет в Кремль ковырять.

А другие объекты обещанные вы получили?

Мне дали другие объекты, в том числе Сочи. Там я работал и как генподрядчик, и как генпроектировщик, там, где не было проекта. Где был проект, он обычно был очень плохой, то есть сделанный на 30-40 процентов, хотя деньги были выплачены. Нужно было по ходу этот проект доделывать. И тут Лещевский, зам Чауса (Владимир Лещевский, тогда — заместитель начальника главного управления капитального строительства Управления делами президента. — М.Г.), потребовал с меня 12 процентов. А технический заказчик, ГУП «Дирекция по строительству и реконструкции объектов государственных органов», его руководители Смирнов и Ольшевский, потребовали пять процентов. Но согласился я на три.

Что значит, Лещевский попросил 12 процентов?

Дело в том, что я дал подписку о неразглашении, потому что я все-таки добился возбуждения уголовного дела против Лещевского.

Хорошо, тогда здесь мы просто процитируем вашу объяснительную в Генеральную прокуратуру. Вот цитата из документа, датированного 15 марта 2010 года и подписанного вами: *«Работа по некоторым объектам УД ПРФ сопровождается требованиями о выплате крупных сумм денежных средств. Так, после победы в тендере на реконструкцию корпуса “Приморский” Объединенного санатория “Сочи” Управления делами ПРФ в марте 2006 года я был вызван в кабинет заместителя начальника управления капитального строительства УД ПРФ Лещевского В.М., где он заявил мне, что в тендере я победил случайно (до этого по объектам, которые вел персонально Лещевский, я не работал), потому что он в этот момент был в отпуске, что он поддерживает югославскую компанию «Путивли», другого участника конкурса (...), и предложил отказаться от тендера и пойти на подряд к «Путивли». После моего отказа он заявил, что я должен понимать, что он может пойти к И. Д. Малюшину (заместителю управляющего делами президента РФ, председателю тендерной комиссии) и отменить тендер или изменить решение, и если я хочу подписать контракт, я должен принять условия, по которым работает УД по тем контрактам, которые курирует сам Лещевский: я должен буду отдавать 12% ему лично от каждого платежа или переводить деньги на те компании, которые мне укажут. При этом он заявил, что он будет помогать решать все проблемы на объекте, в том числе и финансирования, а также что эти деньги пойдут не ему одному, но и его руководству: начальнику УКС УД ПРФ Чаусу А. В., заместителю управляющего делами Малюшину И. Д., управляющему делами Кожину В. И. Договор, со стороны УД, будет подписан ФГУП “Дирекцией по строительству и реконструкции объектов федеральных органов власти” (ДСР), генеральным директором Смирновым Сергеем Анатольевичем, с которым я должен обсудить условия и его интересы. Смирнов С. А., в присутствии своего заместителя Ольшевского В. М., выразил*

неудовольствие тем, что Лещевский забирает наилучшие объекты и постоянно увеличивает свой процент: за последние три года с 5 до 12%. Сам он предложил мне отдавать 5%, но я отказался, сказав, что такие расходы не позволят мне выполнить контракт. Он назвал минимальный размер — 3%».

Попросили пять, «в итоге три», то есть вы вступили в переговоры?

Ну я сказал, что я просто не могу, это слишком много. Потому что цены-то не завышены.

А почему вы не стали обращаться в прокуратуру, протестовать против откатов?

В 2005 году я написал в прокуратуру, именно поэтому Чаус и сказал, чтобы я больше этого не делал. Шаболтай не просто не заплатил, но и захватил документацию на неоплаченный объект, когда ее выносил из ГКД наш сотрудник. Дело в том, что ГКД охраняет частный ЧОП. Что само по себе странно: ЧОП в Кремле. А информацию о том, что на нас давят, вымогают взятки, мы давали и в ФСБ, и в МВД, в КРУ (Контрольно-ревизионное управление. — Прим. ред.) УДП РФ. Мне говорили: держись и выкручивайся как знаешь, подожди, может ситуация изменится. Вот и ждали.

Но «скостив» пару процентов, вы вписывались?

Да. Но начались конфликты другого характера: оказалось, ты должен не только платить откаты, но тебе дают субподрядчиков. Субподрядчики тоже платят откаты. А раз платят откаты — напрямую тем же заказчикам, не через тебя, то они начинают хамить, наглеть. Завышают цены. Если возражаешь, говорят: «У нас обязательства, мы должны. Что мы, за свой счет будем работать?» И качество, хромает качество. Они пытаются экономить за счет качества. У нас начались конфликты, вплоть до суда. Суд подтверждает, что качество не соответствует. Начинаешь их выгонять, Управление делами наваливается на меня, заставляет платить. То есть проводят деньги просто. Принимают работы, хотя я против.

Пример можете привести?

Допустим, «Спецморстрой» делал нам буны, должен был делать набережную. Буны — это водоотбойные стены, строятся они из блоков, которые, естественно, должны быть новыми. Они работали до этого на другом объекте. Снимают там старый блок, привозят, тебе передают, а выставляют счет как за новый.

Это бетонные блоки?

Бетонные блоки, да.

То есть это уже проржавевшая арматура?

Может быть проржавевшая арматура. Они могут быть треснутыми. Но, кроме всего прочего, эти блоки я-то покупаю якобы новые, государство покупает якобы новые. Не надо по-совковому разбирать, а нужно как немцы или как американцы: ты должен новый телефон дать — дай новый. Не надо мне давать старый и говорить, что он работает как новый. Дебилизм это или жульничество. В итоге мы их выгнали. Но деньги Управление делами проплатило.

Еще пример приведете?

Допустим, нам дает Лещевский югославскую компанию «Харвинтер» по выполнению бетонных работ. Они выполняют часть работ, за эти работы я получаю из бюджета шесть тысяч рублей за куб, а должен заплатить субподрядчику десять. А почему? Лещевский объясняет, что они строят дачи чиновникам, Чаусу, например, его дочери где-то под Питером.

То есть вы оплачиваете строительство в Сочи и строительство дачи одновременно?

Да, получается так, что в мою прибыль или в их прибыль закладывают эти дополнительные расходы. И вот так постоянно. А мы упирались. Одновременно старались экономить, оптимизировать процесс. Технику, допустим, краны мы покупали и ставили свои. И я уже не платил за использование кранов. Нужно бетон делать — я ставил два бетонных завода и получал свой бетон. Арматуру нужно — я ее сам привозил, сам покупал. Бетон нужно возить — я сам закупил технику, сам возил. Я закупил производство витражей — там очень красиво, на берегу моря все эти витражи можно было сделать. Закупил много техники для проектирования. Таким образом, снижаются расходы, оптимизируется производство. Компания развивается. Возможно так и бы продолжалось дальше, если бы не пришла Олимпиада.

То есть что-то изменилось, когда Россия получила право на проведение Олимпиады-2014?

Сразу открылся безлимитный бюджетный мешок. А тут сидит Морозов, который не хочет поднимать стоимость. Мы это еще с Кремлем проходили. Четырнадцатый корпус, где администрация президента и руководство ФСО сидят, делается уже пять лет. И мы там тоже имеем контракт: инженерная система, система кондиционирования. Но там заключен параллельный контракт с теми, у кого мы должны были покупать. А почему?

Потому что мы отказывались у них покупать по такой цене. Нам нужно оборудование, допустим, «Флект» (Flakt Woods, финский производитель систем кондиционирования и др. — М.Г.), я через австрийцев, не напрямую к финскому заводу обратился, а через посредника, и он мне дает цену в три — три с половиной раза ниже, чем та, которую требует наш российский посредник. Я говорю: ребята, я все понимаю, вы назвались ООО «Флект», стали дилерами в России, так вы должны покупать значительно дешевле, чем какая-то сторонняя австрийская компания. Я могу заплатить вам 40 процентов накрутки, даже к той цене, по которой продает иностранный посредник, который, соответственно, тоже заложил свою прибыль, но я не могу вам платить в три с половиной раза больше цены другого посредника, потому что потом, когда это начнут раскручивать, это меня заставят эти деньги возвращать. Вы посредническая компания, вы взяли, купили и отдали, разбежались, с вас нечего взять, а у меня же техники на 100 миллионов, у меня фирма живая, которая работает на ответственных объектах, которая создала себе имя, которую при создании благословил патриарх лично. И я не хочу растратить свою жизнь на суету вокруг откатов чиновникам, и за компанию, которая кормит — и кормит достойно, в белую, — сотни людей. Я не могу компанию так подставлять. Тогда Управление делами просто заключило с поставщиками параллельные контракты.

А вам что, жалко?

Что жалко? Что разворовывается бюджет, в который моя компания ежегодно платит сотни миллионов рублей? В принципе, жалко. Но и опасно. Ну хорошо, сидят дураки у власти, а вдруг придет умный — мы же не можем исключить совсем этого — и скажет: я хочу считать казенные деньги. Ну-ка, Морозов, иди сюда, почему ты за оборудование 200 миллионов лишних взял? Ну-ка отдай 200 миллионов. Где я их возьму потом? И как я объясню, что какие-то чиновники меня заставили заплатить лишнее? А эти чиновники будут все отрицать, или отдыхать на Канарах на пенсии.

Но вернемся в Сочи. Получена Олимпиада, бюджет становится резиновым.

А я уже генеральный подрядчик, генеральный проектировщик на нескольких объектах Управления делами президента, а там выделили огромные суммы, это уже не миллиарды шли, а десятки миллиардов.

Десятки миллиардов рублей?

Рублей, да. И тогда, например, на корпус «Приморский» (корпус объединенного санатория «Сочи» Управления делами президента. — М.Г.) придумывают тендер. У нас на этот объект контракт, по контракту мы должны начать и закончить реконструкцию, контракт этот на 1,5 миллиарда рублей в ценах 2005 года, с пересчетом на 2009 год — 2,5 миллиарда. К 2009 году я истратил 1,5 миллиарда. То есть у меня остается еще миллиард. Мне говорят: «Будем тендер проводить». Я говорю, у меня же еще есть деньги, финансируйте по коэффициентам, как положено. «Нет, все равно тебе не хватит, мы еще миллиард прибавим». В этот момент новое здание уже стоит, под крышей, в нем остались только отделочные работы, и мне миллиарда достаточно, чтобы сделать эти работы. Показательные, или пилотные, номера выполнены с отделкой, мебелью и оборудованием. Управделами Кожин номера, включая отделку и мебель, утвердил, похвалил. Показал даже друзьям типа Юдашкина. А я получаю информацию, что НОВЫЙ тендер придуман для двух вещей: чтобы получить дополнительный миллиард и чтобы меня выпереть. Для этого в тендер включаются те работы, которые я уже сделал и которые оплачены из бюджета. Стоит здание под крышей, а там написано: фундамент, миллион долларов. Я им пишу: вы чего делаете? Здание стоит, какой фундамент? Вы или голову потеряли, или всех подставить хотите? Сети — я сети сделал. Дорогу — я дорогу сделал. И так далее.

Дальше я узнаю подоплеку. Они возродили свою старую ФГУП «Строительное объединение», существовавшее еще при советской власти. У него огромные земли, 20 гектаров на Рублевке, огромные помещения, склады, мастерские. Все это, пока там в руководстве сидели чужие для Чауса и Лещевского люди, практически не работало. Когда появились «свои», они начинают это использовать. Оказалось, что во Внуково, где ангар президента делался, они проворовались так, что не уложились в положенные им 2,5 миллиарда.

Они — это Управление делами, я так понимаю. То есть фактически компанией «Строительное объединение» руководят те же люди, которые у вас уже требовали откаты. А почему ангар для

президентского самолета вообще стоит 2,5 миллиарда рублей?

Я не знаю точно, ни зачем этот ангар вообще нужен, тем более что он так и не работает, насколько я знаю, ни как считались сметы. Накрутить можно много. Накрутили 2,5 миллиарда, а потом пришел в руководство «Строительного объединения» человек по имени Игорь Бондарь и заплатил из этих денег 1,5 миллиарда своей личной фирме, в которой на тот момент работало четыре его родственника, секретарь и бухгалтер. А карьер, у которого он покупал камень, принадлежит ему же и его родному брату. Бондаря привел Лещевский. Деньги ушли, а ангара нет.

Им прибавили еще 1,5 миллиарда, но и после этого у них осталась дырка в 400 миллионов. Им эти деньги надо откуда-то брать. Давай у Морозова отнимем объекты. То есть государственное предприятие проворовалось, берут успешную частную компанию и дербанят. Так вот, они нас выгнали, ограбили, но дырку не закрыли, дырка к 2011 году выросла до 1,5 миллиарда. Механизм было не остановить.

Таким образом, я уже знал, что «Москонверспром» будут дербанить, чтобы прикрыть воровство Бондаря и тех, кто его поставил.

Сейчас мы про какой год говорим?

Это про начало 2009-го, и тогда мы приняли решение — я, моя супруга, которая была коммерческим директором у нас, и один товарищ, который у нас работал на связи с правоохранительными органами (бывший сотрудник спецслужб, который осуществлял связь с силовыми ведомствами. — М.Г.), — мы решили взрывать ситуацию. При этом я хочу подчеркнуть, что правоохранительным органам, администрации президента неоднократно передавалась информация о том, что у нас вымогают деньги. Мы просили вмешаться в ситуацию, но нам объясняли, что Кожин все блокирует и его обойти нельзя. Он не дает ход официальным действиям. Надо было запускать официальное расследование, но не через подконтрольные Кожину структуры. После определенных переговоров меня вывели на ОРБ-7 ДЭБ МВД РФ.

Оперативно-розыскное бюро.

Да, ОРБ-7 — это подразделение департамента экономической безопасности, которое занимается банками, налогами, финансами. Руководителем ОРБ-7 был Скворцов (полковник Владимир Скворцов. — М.Г.). Над всеми был замминистра МВД Школов (Евгений Школов, курировавший криминальный блок, уволен в июле 2011 года. — М.Г.). Непосредственно курировал Хорев (генерал Андрей Хорев. — М.Г.), такой первый замначальника ДЭБ (Департамента экономической безопасности. — М.Г.). Начальником отдела, которому было поручено заниматься моим делом, был Дамир Фейзуллин. Оперативную группу возглавлял Алексей Дроганов. Это оказалась та группа, которая занималась Магнитским, они его угробили, а потом перешли в ОРБ-7, на повышение, и как раз первый, кто попал к ним, — это я. Остальные: Фейзуллин, Скворцов, Хорев, Школов — тоже имели отношение к делу Магнитского. Кто прикрывал, кто блокировал его заявления, кто уводил деньги. Но все это выяснилось позже, когда мы раскручивали свое дело в обратной последовательности, в том числе перепроверяя информацию с теми, кто занимается делом Магнитского. К тому моменту, когда я пришел в ОРБ, Лещевский уже давил на меня, чтобы я выплатил ему деньги. Давил он потому, что приближался тендер, и Лещевский хотел снять с меня деньги до тендера, обещая победу, но зная, что меня к тендеру просто не допустят. После тендера он вряд ли мог рассчитывать на то, что я ему отдам деньги. И я пришел к Фейзуллину и Дроганову и говорю: «Я платить не собираюсь, не хочу, но с меня требуют совершенно конкретные деньги, 15 миллионов». И я написал заявление. Пришел я в ОРБ-7 в конце мая.

И дальше вы осуществили собственно передачу денег под запись, правильно я понимаю?

Да, причем я использовал свои личные деньги, так как оперативники мне сказали, что не могут так быстро получить разрешение и деньги МВД на проведение оперативных мероприятий. Я предупредил, что я не хочу давать взятку, но если надо, то готов использовать свои личные деньги для проведения оперативных мероприятий, передавать их под запись. На официальный эксперимент я передал деньги по акту ОРБ-7 МВД. Так что рассматривать это как взятку нельзя было. Нужно было провести серию передач, чтобы было зафиксировано при помощи видео- и аудиотехники, что мы встречаемся с Лещевским и он реально получает деньги. Я несколько раз передавал деньги. Один раз передавала моя жена, но запись она не производила. Я все-таки боялся из нее делать подружку Джеймса Бонда.

Она на вас была, эта техника?

Да, и было несколько смешных случаев, когда у меня там звенело, фонило, техника жуткая была. Один раз у Дроганова было предынфарктное состояние, когда он услышал по телефону свист аппаратуры. Видимо давить

Магнитского легче, чем сидеть в машине на Старой площади и ждать, пока Морозов, обвешанный аппаратурой, пройдет рамки ФСО в шестом подъезде. Последний раз нужно было передавать деньги не в здании Управления делами, Лещевского нужно было выводить, и мы с оперативниками договорились, что я его выведу в ресторан «Сливовица» на Ильинке.

Почему его нужно было выводить?

Чтобы провести официальный оперативный эксперимент, все записать правильно и качественно и задержать Лещевского. В итоге я его вывел, мы провели этот оперативный эксперимент, деньги передавал я, записывая на видео- и аудиотехнику, записывали и оперативники, сидя за столом рядом. Во время встречи с Лещевским обсудили в том числе и отношения с ним, его мотивы, он говорил: «Ты все отдал, нормально, дальше будешь работать», и Лещевский ушел, и его не задержали. А потом нас, естественно, не допустили до тендера. Я пришел к Лещевскому, спросил: «Вы же гарантировали, что мы дальше будем работать?» Он говорит: «Все по закону». Ну, думаю, я покажу тебе, что можно выжать из нашего закона!

Почему ему позволили уйти?

Когда я спросил почему, мне сказали: не было команды следователей. Операция эта проводилась перед праздниками июньскими, 11 числа.

Девятого года?

Да, девятого года, а после праздников Лещевского вызвали на беседу, и мы поняли по его виду и поведению, что деньги с него сняли.

Вызвали на беседу — куда и кто?

Вызвали в пятый подъезд здания Управделами, где сидит руководство. У себя там где-то провели с ним беседу. Когда Лещевский вернулся в свой кабинет, а в это время он должен был проводить совещание с генеральными подрядчиками, мы поняли по его поведению, по виду, по всему, что Лещевского вытрясли, с него просто взяли деньги. Ошкурили. И в итоге я оказался один против всех, и все против меня. То есть мне предложили за отсутствием времени дать на оперативное дело 15 миллионов своих рублей, которые тогда были отложены на покупку квартиры старшему сыну, который вернулся из армии и женился. А потом эти же «ребята», «менты» или как их там можно назвать, чтобы поточнее, дали Лещевскому с этими деньгами уйти, а потом его ошкурили и эти деньги присвоили себе. А теперь меня и мою семью следствие не признает даже потерпевшими, потому что по нашим законам человек дает или взятку — и тогда чего ему деньги возвращать, или государство для взятки — оперативного эксперимента дает деньги свои. Тогда государство себе возвращает. А в моем случае человек, который не хотел платить, пришел в МВД до передачи денег, предупредил обо всем, написал заявление, его же МВД попросило помочь и дать свои деньги, деньги увел преступник, которого официально до сих пор называют подозреваемым, деньги с преступника сняли, а мне следователь и судья говорят, что у нас, в России, при передаче взятки потерпевшей стороной может быть только государство. Ну, не было, Морозов, до тебя таких, чтобы и пришел заранее, и деньги дал свои. Я говорю: так до меня не было, чтобы преступник и деньги получил, и ушел с ними, и с ментами этими же деньгами за свою свободу расплатился.

Что вы дальше сделали?

У меня есть жизненный опыт. И я понял то, чего не понял Магнитский, который начал писать жалобы на тех людей, которые его взяли, а направлял жалобы тем же, кто его гнобил. Я понял, что они не могли кинуть меня и ошкурить Лещевского, не согласовав это наверху. Не договорившись. Они должны были все войти в сговор, даже если до этого такого сговора не было. Дальше происходят следующие события: у меня захватывают стройки, у меня захватывают технику, склады с материалами, у меня захватывают офисы в Сочи, все это разворачивается и уничтожается. Меня выгоняют с объекта, мне не платят за выполненную работу.

Пошел рейдерский захват компании. Мы стали судиться, письма какие-то направляли, призывали к совести. Но я делал все это не столько для того, чтобы защититься: понимал, что этим защититься нельзя. Мне надо было создать видимость, что я делаю то, что от меня ожидают, а делать надо было в реальности совсем другое, и тихо. И я сделал две вещи: первое — я поехал в Великобританию, встретился там со своими друзьями, вышел на юристов и на средства массовой информации, изложил информацию обо всем с условием, что они используют это в случае моей гибели или гибели моей семьи — а там были угрозы прямые, «кровью умоетесь», — или если я скажу, что пора открывать огонь. Второе — я попытался выйти на Медведева. Потому что я понимал, что единственный шанс в этом деле — это себя к Медведеву привязать, это то, что не

сделал Магнитский, он ни к кому себя не привязал. Но я также понимал, что я не пройду с письмом никуда, меня не пропустят. Я знал, что люди в том лагере отвечают за информацию, которая идет к президенту.

В том лагере, то есть среди тех, кто вас захватывал?

Как угодно называйте — и силовики, и Управление делами. Более того, мне с той стороны постоянно вбрасывали: «Надо письмо готовить». Думали, что я пойду по каналам, которые перекрыты. Мне нужно было найти ход через человека, который никогда, ни при каких обстоятельствах до этого со мной не пересекался. Я не знал, где придется передавать письмо, в Москве или в Сочи. И в Сочи, на случай, если я не успею прилететь, я взял сотрудника, который никогда на нас не работал. Я не вдаюсь в подробности, но мы передали письмо Медведеву на Красной Поляне, на склоне, когда он катался на лыжах. Он подъехал в определенное место, где мы знали, что он остановится, и там находился мой сотрудник.

Почему вы не могли просто опубликовать письмо?

Люди считают, что президент все смотрит и читает, а в реальности это совершенно не так. Мало ли что публикуют? Ну, читал он, не читал — вы же не докажете, это ничего не решает. Решает — это когда вы дали письмо в руки, а он дал указание. Нужно было не просто передать, а он должен был дать указание генпрокуратуре.

Скажите, а как вам удалось человека поставить на склоне в Красной Поляне?

Это я вам не скажу, а то вдруг какое-нибудь ЦРУ поставит. Знаете, жизнь заставит — придумаешь не только как поймать президента. Это письмо было передано и в прокуратуру одновременно, но из прокуратуры был ответ такой: если президент даст команду, будем заниматься, не даст — выбросим в корзину. Поэтому мне нужно было эту вот цепочку пройти, от президента к прокуратуре. И это удалось.

Это когда?

Это январь 2010 года. Тут на меня наехали. Наехал ДЭБ МВД, Департамент экономической безопасности, тот же самый Хорев, Сковорцов, Фейзуллин и другие. И те, к кому я пришел с заявлением, они же на меня и наехали. «Вы давали взятки, значит, вы имели наличные, значит...» Я говорю: «Ребята, я же вам все написал». — «А там все уничтожено. У нас есть оперативная информация не от вас, а информацию мы должны проверить».

То есть вас вызвали на допрос?

Нет, они пришли. Маски-шоу. Пришли и начали изымать документацию, компьютерные диски.

Кто именно пришел?

Пришла группа во главе с капитаном МВД по имени Вадим Глуценко, который с Хоревым и с Фейзуллиным до этого работал. Более того, он нам сам рассказывал, что ему обещают, что он перейдет в ОРБ-7. А это самое денежное место: банки, НДСы и так далее.

И как прошло маски-шоу?

Ну, мы народ немножко поопытнее Магнитского. Меня не было, но жена мне сразу позвонила, и мы сразу вызвали департамент собственной безопасности МВД, и это их поставило в рамки. Однако за ДЭБ пришла Налоговая служба. Мы говорим: «Ребята, вы нас проверяете каждые три месяца». Мы работали на ответственных объектах, нам нужно было предоставлять всякие справки, поэтому у нас все должно было быть готово в любой момент, так что мы сами налоговую вызывали, и так многие годы. Но налоговая нас стала проверять по-новому. У нас компания оказалась белой, зарплаты все платились официально, и в итоге, после всех наездов, изъятий и тому подобного, нам предъявляют, что те компании, что шли от Управления делами, не платили налоги, а мы должны были проверить их, найти, что они не платят налоги полностью, и заплатить за них. Так построено наше законодательство. Все это вылилось в 140 миллионов. Фактически нам предписали платить налоги с тех денег, которые мы платили в качестве откатов Лещевскому и Смирнову, Ольшевскому.

То есть откаты оформлялись как платежи каким-то компаниями, а теперь с вас потребовали, чтобы вы за эти липовые по факту компании заплатили налоги?

Да, за те компании, которые нам давало Управление делами. Накрутили нам на 140 миллионов, у нас

захватили технику, у нас захватили склады, у нас захватили офисы, нам насчитали пеню за откаты. На нас пошли в суды. Нас выгоняли с объектов, причем выгоняли так: сначала параллельно с нашими госконтрактами незаконно заключали договора с другими компаниями и платили им, пока мы выполняли работу и передавали документацию по проектированию, например, потом с нами разрывали контракты, договоры со «своими» переводили в разряд официальных, а нас обвиняли в том, что мы не выполнили работы. Мы запроектировали на 60 миллионов, построили на 40 миллионов, сдали Управлению делами, Управление делами эти деньги отдает другим, они дальше продолжают работать, а нам выставляют претензии, показывая, что акты сдачи-приемки не подписаны. То есть бумаги есть, что мы сдали, например, документацию, письма есть, что сдали и что приняли, накладные, но не подписан акт выполненных работ. Они идут в суды, а суды выполняют волю Управления делами, и нам начинают насчитывать. Или еще был случай, когда работы выполнены не были вообще, и они знают это, потому что сами увели деньги, но они идут в суд и говорят: «Они вот эти работы выполнили, пусть дадут документацию исполнительную». Мы говорим: «Их нет, мы не выполняли, нет исполнительной документации». Суд не слушает и присуждает нам сдать исполнительную документацию за то, что мы никогда не строили. ОАО «Москонверспром» включают в реестр неблагонадежных поставщиков, лишают права работать. Приставы у нас арестовывают технику, на все автомобили, включая мою офисную машину, ГАИ накладывает арест. А почему? А потому что мы не сдаем документацию, которой нет и не может быть.

Итак, вы передали письмо президенту зимой 2010 года.

Президент дал указание прокуратуре проверять. Они проверили и сказали: да, оперативный эксперимент проходил, да, Морозов передавал деньги, да, Лещевский деньги принимал, да оперативники должны были его задержать, возбудить уголовное дело, они этого не сделали, поэтому оперативники плохие, на оперативников надо возбудить уголовное дело. Я получил вот такой документ за подписью помощника генерального прокурора. Делать нечего, отдают в Следственный комитет на возбуждение уголовного дела, но в Центральный административный округ города Москвы, на самый низ, на землю, следователю, который никогда и ничего возбудить не может. Он жалуется, что на его вызовы никто не отвечает, его на фиг все посылают, такой маленький ничтожный человечек, и говорит: я отказываюсь. И после этого я даю команду Sunday Times опубликовать материал, Sunday Times публикует — и теперь уже к президенту я как бы подвязал мировую прессу. «Вот Медведев хочет бороться с коррупцией, вот давайте посмотрим на примере Морозова, как они будут бороться с коррупцией». Они передают в Центральный федеральный округ следователю. Тот тоже сначала готовит отказ в возбуждении уголовного дела, но в итоге после очередного скандала было возбуждено уголовное дело. Дело было возбуждено на Лещевского в Управлении делами президента. Менты на тот момент оказались круче или хитрее. И дальше началась раскрутка. Решается, грубо говоря, кто в итоге будет сидеть в тюрьме.

И где сейчас все фигуранты?

Дроганов и его команда однозначно пойдут по уголовному делу в связи со смертью Магнитского. Поэтому их отдадут и по нашему делу. Фейзуллин сбежал, Хорев сбежал. В Управлении делами Лещевский отстранен (отстранен от должности в августе 2010 года в связи с возбуждением уголовного дела по заявлению Валерия Морозова. — М.Г.), Смирнов (Смирнов С. А. — бывший генеральный директор ФГУП «Дирекция по реконструкции и строительству объектов федеральных органов», является техническим заказчиком на объектах УДП РФ. Ольшевский — его заместитель. — М.Г.) уволен в августе 2010 года. Ольшевский уволился сам, ушел на пенсию, но потом его вернули и назначили курировать реконструкцию 14 корпуса в Кремле. Видимо, считается, что он выплывет, или пообещали помочь выплыть. Вообще, для наших чиновников характерно слабое представление о том, что происходит. Обманывают друг друга, и верят друг другу. А в реальности все они прикрывают только свои задницы. Конечно, в УДП РФ немного подчистили, но не настолько, чтобы заявить: «Да, коррупция была, но мы с ней боремся». Слишком все повязаны, слишком все упирается в Кожина, а он не может решиться резать. Вот всплывают двойные платежи на Могилах Неизвестного солдата у Кремлевской стены и тому подобные случаи. И это будет продолжаться, пока не начнется реальная чистка. Причем я боролся всего лишь за свою компанию, а мне сразу говорят, даже в Управлении делами: «Все, тебе кердец, ты пошел против системы, пошел против Управления делами». Да не пошел я против Управления делами! Можно в этой стране, е-мое, защитить себя, ну хоть подраться дайте! Нет, ты пошел против Управления делами всего. Ну и хрен с вами, пошел против Управления, согласился, назвали груздем, начал залезать в кузов, мне говорят: «Нет, ты пошел не только против Управления делами, ты пошел вообще против системы в стране».

Это кто говорит?

В Управлении делами. Морозов пошел против системы, против президента, против Путина, Путин создал

систему, а Морозов пошел против нее.

Так и говорят: Путин создал систему, а Морозов...

Да-да, вот мы создали систему, а ты пошел против нее. Да я говорю: я не думал, против чего я иду. Хорошая компания, десять лет потратил, чтобы ее создать, как я могу ее просто так вам, придуркам, отдать?

Ну а вы как считаете, в кого упирается эта система?

Я думаю, что уже ни в кого. Как раковая опухоль, она уже даже не на себя работает. Ну что это за система, которая своих ест? У нас нет товара, на который было бы меньше 20% отката, но где-то доходит до 70, например, в газе. За строительство церквей берут 60% отката. При этом большинство чиновников в церквях регулярно со свечками стоят на службах. Так страна не может работать. Почему мне удастся так долго воевать? Потому что они не могут ничего, кроме как пыжиться, у них все заваливается, потому что каждый думает только о себе и о своем откате. А за работу отчитываются приписками. Таких приписок и липовых отчетов никогда не было. Скот режут, а по отчетам увеличение поголовья. Все смеются, только правительство сидит с серьезными лицами на телеканалах. Нормальные люди считают правящую элиту сборищем идиотов и воров. И очень многим во власти это надоело. Меня поддерживают, и я даже не знаю о них. Просто из ненависти к Кожину или кому-то другому. Или из политических соображений. Но загасить меня не дают. И без позиции кого-то в Кремле это происходить не может.

В каком состоянии сейчас ваша компания?

Начинается процесс банкротства. При этом опять банкротство организовано через мошенничество. Нас банкротят за работы, которые выполнены и оплачены другой компанией, а с нас требуют оплатить эти работы повторно. Мы сделали по поводу этого заявление в прокуратуру. Мы готовим также официальное заявление, чтобы возбудить уголовное дело по статье о рейдерстве.

Какие у вас были обороты, сколько людей у вас работало?

У нас работала тысяча человек за последние три года. При этом у нас практически не было рабочих, только специалисты, прорабы, проектировщики, в основном ГИПы. Считай, из этих трех лет два года войны. Оборот у нас был за миллиард рублей в «Москонверспроме», плюс у нас была компания, которая занималась проектированием — «Москонверспроект». Была компания СМУ «Москонверспром-Юг» в Сочи, она занималась чисто рабочими, бригадами. Там другая специфика, надо, чтобы людей было много, и с ними очень много работы. Разные типы компаний, и мы не смешивали. Всего мы делали оборот где-то 1,6 миллиарда, ну, под 2 миллиарда. У нас процентов от 6 до 8 было официальной прибыли. Самая высокая официальная прибыль в России в нашей отрасли. Люди расстраиваются, что лишились хорошей работы. Потому что все было в белую, зарплаты были высокие. И государство лишилось сотен миллионов рублей налоговых платежей.

Но считается, что коррупция в строительстве есть везде, сколько бы ни принимали антикоррупционных актов. Вы много лет работали в американской компании и, наверное, это себе вполне представляете. Чем конкретно отличается российская ситуация?

Допустим, летняя Олимпиада в Лондоне обходится в 7 миллиардов фунтов. А у нас неизвестно, но говорят, что истратят 60 миллиардов долларов. У меня очень хорошие отношения с людьми, которые делают Олимпиаду в Лондоне. Как это устроено? Есть такие компьютерные программы, которые позволяют сделать проект в 5D, почти фильм, в котором вы видите строительство во времени, на это накладывается количество рабочих, стоимость, соответствие графиков работ и финансирования. Вы можете смотреть и контролировать, придумывать, как сделать лучше и сэкономить. Такая компания работает в Лондоне, 32 человека. Им платят их заработную плату плюс 15% от экономии государства. Поэтому они экономят огромные деньги и сами хорошо зарабатывают, стремясь все выполнить качественно и оптимизировать процесс строительства. Поэтому они взяли сначала строительную площадку и сделали проект компьютерный. Какие на строительстве должны быть мосты, дороги, чтобы потом нигде ничего не менять, и чтобы у вас никто никогда не пересекался, чтобы не было никаких заторов. Если вы не были в Сочи, поезжайте и посмотрите, это какой-то ужас. А они сделали это сначала. Построили все эти разветвления, все эти развязки. Потом только начали строить здания. И если кто-то отстает на один день, они ему вывешивают красный флажок, а на второй день отстал — они тебя наказывают или убирают. Деньги лишние нельзя заплатить, потому что у тебя все рассчитано. Компьютер обмануть нельзя, потому что он защищен, у каждого свой уровень доступа. Каждое изменение или сообщение персональное, фиксируется самим компьютером. Перенести ответственность за решение на другого невозможно. Бумажные носители не работают. А у нас 48 персональных водителей «Олимпстроя», 36

департаментов в «Олимпстрой». «Олимпстрой» получает 10% от освоенных средств. Поэтому, если он освоит 20 миллиардов, сделает Олимпиаду за 20 миллиардов, он получит 2 миллиарда на себя, если 60 — 6 миллиардов. Вот и все. А как при такой системе, с которой англичане строят Олимпиаду, воровать? Она воровам не подходит, им нужны тонны бумаги, тонны проекта напечатанного, сметы, переделки актов.

Чем это кончится? Они построят?

Ну, я не знаю, что будет с Россией вообще. Но если все сохранится, Путин, там, Медведев, конечно, они построят. Построят только за 60 миллиардов, а можно было за 20. И потом неизвестно, что будет, когда все разъедутся: где треснет, где лопнет и где смоем. Мы потеряли способность делать сложные проекты. Мы не сможем сделать атомный проект. Мы не сможем космический проект сделать заново. У нас нет способности совершать такие сложные управленческие решения. Мы можем что? Строить вот сейчас научились. В три раза дороже, но строить. Сейчас невыгодно учителям или журналистам повышать зарплату. Потому что не откатят. А строить выгодно, научились, как воровать при строительстве.

Вы, я так понимаю, теперь банкрот. Только что, пока мы с вами разговаривали, подходила ваша жена со сводом законов о банкротстве. Большой части личного состояния вы тоже лишились. Теперь что будете делать?

«Москонверспром» пришлось принести в жертву. Хотя история пока не закончена. Но так или иначе, потенциал «Москонверспрома» перешел во что-то другое. Они превратили меня в публичную фигуру. Я ведь сейчас единственный, кто вошел в конфликт с коррупционерами на самом верху, и не убит, не в тюрьме. Моя история еще развивается. А это привлекает людей. Я сейчас возглавляю, вместе с Львом Пономаревым, движение «Самооборона бизнеса». К нам обращаются предприниматели. Одним из первых дел «Самообороны бизнеса» была передача письма генерала ФСБ Николая Пилюкова президенту Медведеву о фальсификации в ходе следствия по пожару в торговом центре в Ухте. По этому делу осуждены двое молодых ребят, невиновные, осуждены пожизненно. Мы занимаемся и некоторыми другими, в том числе громкими делами. Люди верят, что если я самого себя сумел защитить от коррупционеров в Кремле, МВД и ФСБ, то и им смогу помочь. Это доверие тоже капитал.

Я также возглавляю Христианское общественное движение (ХОД), мы развиваем программу «народной экономики», то есть создаем новый тип коммерческих структур — народные компании. Вот до революции у нас крестьяне в Сибири производили сливочное масло, была компания, кооператив, которая покупала у крестьян это масло и экспортировала в Европу. Огромное количество крестьян Сибири были членами этого кооператива, и, как в акционерном обществе, они все были дольщиками. Эта компания экспортировала в Европу и получала за это масло золота больше, чем все золотые рудники России. Представляете, только от экспорта, только сливочного масла, только в Европу. И такие компании на Западе тоже сохранились. И мы сейчас выступили с идеей создать такие народные компании. Если компания принадлежит сотням тысяч людей, и в этой компании гарантируются права миноритарного акционера, в том числе получать любую информацию по сделкам и финансовую отчетность, гарантируется прозрачность, отсутствие коррупции и воровства, то пусть попробует чиновник потребовать откат. Да я просто выйду и скажу: «Ребят, с вас берут 20% или 60%». Я хочу, чтобы церкви строила компания, которая принадлежит прихожанам, а не приближенным и родственникам мэра. Стадионы строили компании не чиновников, а принадлежащие болельщикам. И пусть чиновники откаты требуют с других. А если посмеют с нас, я об этом скажу сразу. И они понимают, что я скажу. И пусть после этого оправдываются. Или бегут, куда могут. Если смогут.

Автор: Артур Скальский © Сноб РАССЛЕДОВАНИЯ, РОССИЯ 7973 07.08.2011, 12:01 534
URL: <https://babr24.com/?ADE=95864> Bytes: 43514 / 43164 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)

